

Анна Романовна Лагно

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А; старший преподаватель, кафедра международных организаций и проблем глобального управления, факультет государственного управления, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4. E-mail: Lagno@spa.msu.ru

Кто, что, кому и на каком языке говорил? Польско-украинское пограничье в 40-е годы XX в.: из истории одной семьи

Польско-украинское пограничье — это территория, которая чаще всего ассоциируется с восточной частью бывшей австрийской провинции Галиция. После окончания Второй мировой войны, 16 августа 1945 г., был заключен договор о советско-польской государственной границе, которая в основном соответствовала этническому принципу. Однако к западу от нее остались села и города с украинским населением, а к востоку — с польским. И украинцы, и поляки жили на этих территориях издавна, говорили между собой на одном языке, заключали браки, очень похожей, если не идентичной, была и их материальная культура. Дистанция между представителями разных конфессий тоже была не слишком велика: католики (поляки) и греко-католики (украинцы) толерантно относились друг к другу, могли посещать богослужения и в греко-католической церкви, и в католическом костеле. Идентичность населения, особенно сельского, не была четко выражена. Во время войны вопрос об этнической принадлежности стал крайне важным, поскольку судьба человека часто зависела от того, кем он являлся: поляком или украинцем, а иногда — и где родился: в уже независимой Польше или еще в Австро-Венгерской монархии. Окончание войны не успокоило пограничье, проблему национальных меньшинств на самом высоком уровне постановили решить путем переселений, которые завершились в 1946 г. В статье на основе воспоминаний жителя польско-украинского пограничья и интервью с его детьми предпринимается попытка описать его идентичность, при этом особое внимание уделено значению билингвизма.

Ключевые слова: идентичность, польско-украинское пограничье, Галиция, украинский язык, польский язык, остарбайтеры, Вторая мировая война

«*Мені просто дивно, що вони з першого погляду повірили, що я Поляк*»¹. Эта фраза из воспоминаний дедушки в свое время заставила меня серьезно задуматься над загадочным феноменом этничности. Во время поездок по Польше мне в глаза бросалась необычайная похожесть бытовой культуры поляков, проживающих в юго-восточных воеводствах современной Польши, и украинцев, живущих во Львовской и Тернопольской областях. В то же время не могла не броситься и разница той же бытовой культуры украинцев правобережья и левобережья Днестра.

Воспоминания моего дедушки — Степана Федоровича Лагно (1913–1990) — охватывают период с 1939 по 1945 г. Особым драматизмом наполнены последние страницы его рукописи, повествующие о лете — начале осени 1945 г., когда уже шла репатриация украинцев и поляков из Польши и УССР соответственно. Именно тогда ему приходилось заявлять о себе то как об украинце, то как о поляке. И обе эти роли ему прекрасно удавались. Каковы же были те существенные признаки, разграничивавшие идентичность поляков и украинцев в середине 1940-х годов?

Кто, что и как писал об идентичности. Методология и историография

Понятие «идентичность» в социальных науках стало использоваться с XX в., сначала его взяли на вооружение психологи, а позднее — социологи и антропологи². Междисциплинарный статус термина создает серьезные сложности при попытке дать ему четкую и однозначную дефиницию. В статье описывается этническая идентичность, однако данное уточняющее определение не делает задачу более простой. Серьезные методологические и теоретические разработки, посвященные изучению этнической идентичности, были предприняты в конце 1960-х годов коллективом скандинавских исследователей, который возглавил норвежский антрополог Ф. Барт³. Они пришли к выводу, что наиболее продуктивным способом изучения этнической идентичности является поиск «различительных

¹ «Просто удивительно, что они с первого взгляда поверили, что я поляк» (*Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. 1986. Зошит II. Л. 34 (рукопись, личный архив автора)*).

² Орлова 2010: 90.

³ Барт (ред.) 2006.

признаков», или «маркеров границ идентичности»⁴, отличающих культуру данной группы от культуры «другого», а не составление некоего пространного каталога культурных черт той или иной этнической группы. Советские историки и этнологи также обращали внимание на то, что формирование самосознания любой общности начинается с противопоставления «мы — они»: «Только ощущение, что есть “они”, рождает желание самоопределиваться по отношению к “ним”, обособиться от “них” в качестве “мы”»⁵; «этносы — категория сопоставительная»⁶.

Как отмечают исследователи, наиболее значимым маркером, или, по терминологии Барта и его единомышленников, *диакритикой* этнической идентичности является язык⁷, однако для жителей польско-украинского пограничья этот маркер нельзя трактовать в качестве четкого критерия идентичности в силу повсеместно распространенного билингвизма и интерференции⁸. Так, в воспоминаниях поляков, репатрированных в 1940-е годы с территории нынешней Тернопольской области Украины в Польшу, неоднократно упоминается, что жители восточногалицийских сел, даже если и идентифицировали себя как поляки, то почти совсем не говорили по-польски, а использовали «русский» (то есть украинский) язык⁹. Следует обратить внимание также и на ряд других важных методологических проблем. Во-первых, исследователи указали на отличие индивидуальной идентичности от коллективной. И. Нойманн сделал вывод, что индивидуальная идентичность — это главным образом вопрос эмоций, и соответственно, ответы украинцев на вопрос, что же такое в их представлении украинская идентичность, могут совершенно не совпадать¹⁰. Вместе с тем идентичность этнической группы (коллективная идентичность) содержит «представления о типичных чертах “своей” общности: ее свойствах и достижениях как целого» и проявляется лишь через обобщение этнических представлений отдельных

⁴ Барт и его коллеги применяют термин «диакритики», который также используется в статье.

⁵ Поршнева 1979: 81.

⁶ Бромлей 1981: 16.

⁷ Андерсон 2001: 89–104; Нойманн 2004: 30

⁸ Нгуциук 2003: 122; Zowczak 2003: 51.

⁹ *Bilska-Homa W. Z Podolskiej Płotyczy na zachód Polski*. Wrocław: Wrocławskie Wydawnictwo Naukowe Atla 2, 2009. S. 36.

¹⁰ Нойманн 2004: 14.

людей¹¹, то есть через представления конкретных украинцев о том, что является общим для всех них.

Во-вторых, важное, если не определяющее, значение на конструирование идентичности оказывает государство, которое, проводя политику «категоризации индивидов», задает и поддерживает «способы интерпретации различий»¹². Государство выстраивает отношения с этническими группами через соответствующее законодательство, систему образования, средства массовой информации и т. д.

И наконец, идентичность не является некоей константой, она динамична: «содержание, конфигурация ее компонентов и интенсивность ее проявлений зависят от макро- и микроконтекста, от этнополитических условий в целом и от конкретной ситуации общения»¹³, причем осознанный поиск идентичности начинается тогда, когда нарушается привычный уклад жизни той или иной группы. В контексте Второй мировой войны, повлекшей за собой смену нескольких государств на территории польско-украинского пограничья (II Речи Посполитой, Советского Союза, Третьего рейха, Польской республики), население в полной мере почувствовало на себе как изменение государственной политики по отношению к различным этническим и социальным группам, так и под влиянием этого само стало по-другому смотреть на своих соседей, переписывать и уточнять образы своих значимых «других».

Историографию проблемы, которая рассматривается в статье, можно разделить на два взаимосвязанных блока: 1) исследования, посвященные вопросам изучения идентичности населения польско-украинского пограничья и 2) работы, в которых описываются сложные польско-украинские отношения в период Второй мировой войны и послевоенные годы. Первый блок включает труды историков, филологов, этнологов, культурологов, социологов, которые преимущественно сконцентрированы на изучении процессов формирования национального самосознания украинцев и поляков Галиции в XIX — начале XX в., периоду же 40-х годов XX в. уделяется сравнительно немного внимания. В Польше эта проблематика разрабатывалась в 1960–1980-е годы Ю. Хлебовчиком¹⁴. По его мнению,

¹¹ Бромлей 1983: 176–177.

¹² Малинова 2009: 7.

¹³ Елаева 2000: 56.

¹⁴ Chlebowczyk 1968; Chlebowczyk 1976; Хлебовчик 1981.

на территории пограничья формируется специфическая ментальность, которую он называет «кресовым сознанием» (*świadomość kresowa*), сущность которой заключается в широкой амплитуде форм поведения жителей: от нерефлексирующего этнического индифферентизма до самых острых проявлений националистического фанатизма¹⁵. Вообще «Галиция», как отметила К. Хибель, в качестве самостоятельного предмета исследований появилась в научном дискурсе в 1980-е годы, когда вышли работы П. Магочи¹⁶. В 1990–2000-е годы было опубликовано несколько серьезных монографий и статей, посвященных Галиции¹⁷ как территории взаимовлияния и столкновения двух культурных и политических систем — украинской и польской¹⁸. Следует также отметить публикации сотрудников Института славяноведения РАН, в которых в сравнительном и междисциплинарном ключе рассмотрены вопросы формирования национального самосознания и эволюции этнокультурной идентичности населения польско-украинского пограничья¹⁹. В последнее время эта проблематика не теряет актуальности, в частности, уже на протяжении двух десятилетий в Польше выходит серийное научное издание «*Galicja i jej dziedzictwo*», а с 2015 г. — междисциплинарный научный журнал (ежегодник) — «*Galicja. Studia i materiały*»²⁰.

Второй блок — труды историков, затрагивающие комплекс взаимосвязанных проблем, таких как «украинский вопрос» в политике Третьего рейха, отношения между СССР и польским эмигрантским правительством, деятельность подпольных партизанских и националистических организаций на территории польско-украинского

¹⁵ Chlebowczyk 1968: 17.

¹⁶ Hibel 2014: 1.

¹⁷ Как отметил П. Магочи, термин «Галиция» является «немного неточным». Обычно он ассоциируется с границами одноименной австрийской провинции (*Regnum Galiciae et Lodmeriae / Königreich Galizien und Lodomerien*), которая просуществовала до 1918 г., в то время как сама провинция сильно отличалась от исторической Галиции, восходившей к Галицкому княжеству. Его границы более или менее совпадали с границами позднейшего Русского воеводства (*Województwo ruskie*) Польского королевства, которое в XIX в. при австрийцах стали называть *Восточной Галицией* (Magocsi 2002: 3). В статье под терминами «польско-украинское пограничье» и «Восточная Галиция» понимаются территории на восток от р. Сан и на запад от р. Збруч.

¹⁸ См., например: Magocsi 2002; Hrytsak 2005; Himka 2006.

¹⁹ Лукашова (ред.) 2011; Петровская, Борисенко (ред.) 2011.

²⁰ См.: *Galicja. Studia i materiały*. Open access. URL: <https://www.galicja.ur.edu.pl/> (дата обращения: 15.06.2019).

пограничья, переселенческо-депортационные операции 1944–1947 гг. Нельзя сказать, что эти темы мало исследованы — написано большое количество статей и монографий, основанных на тщательной проработке архивных документов и воспоминаний непосредственных участников тех событий²¹. Существует ряд статей, которые, в свою очередь, обобщают разыскания историков относительно обозначенной проблематики²².

Что, где и с кем происходило: из истории одной семьи

Несмотря на то, что люди не перестают использовать этнические ярлыки, а ученые не перестают изучать этнические группы, идентичность плохо поддается исследованию в силу сложного сплетения этничности той или иной группы с «другими коллективными идентификациями и лояльностями»²³. Как уже упоминалось, наиболее значимый маркер границ идентичности — язык — не совсем «работает» для жителей польско-украинского пограничья в исследуемый период. Сложности возникают и с другой *диакритикой* — различиями по конфессиональной принадлежности. Исследователи отмечают, что основополагающим критерием этнической принадлежности было вероисповедание: поляк — это католик, а украинец — греко-католик²⁴. В то же время украинцы и поляки Галиции рассматривали и греко-католическую церковь, и католический костел как часть единой вселенской католической церкви²⁵. Греко-католики и католики могли посещать богослужение и там и там. В смешанных польско-украинских семьях детей, как правило, крестили в вере отца или матери согласно полу²⁶. Таким образом, по-

²¹ Torzecki 1972; Torzecki 1981; Hryciuk 1995; Мисило 1997; Сергійчук 1997; Drozd, Hałagida 1999; Misilo 2001; Hałagida 2003; Hryciuk 2005; Voeckh 2007; Носкова 2012; Мотыка 2014 и др.

²² См., напр.: Цепенда 2002; Ильюшин 2012.

²³ Тишков 2016: 7.

²⁴ Rieger 1996: 111; Dzięciel 2003: 48–49.

²⁵ Федевич 2005: 29.

²⁶ Такая традиция установилась в соответствии с декретом Конгрегации пропаганды веры, который был подписан католическими и греко-католическими епископами 19 июля 1863 г. во Львове, а позднее 6 октября того же года утвержден папой Пием IX (Kusy 2003: 82). Декрет регулировал спорные правовые вопросы между двумя церквями, а именно: о переходе из одной церкви в другую, о богослужебных практиках, таинствах, заключении браков и воспитания детей, взаимоотношениях католического и греко-католического духовенства.

лучалось, что в одной семье братья и сестры могли иметь разную этническую принадлежность. Тем не менее представляется, что динамика и взаимосвязь этих двух маркеров границ идентичности — языка и конфессии — все-таки позволит попытаться ухватить «символическую вселенную»²⁷ жителей польско-украинского пограничья.

В качестве объекта исследования выступает смешанная польско-украинская семья (три поколения), переселенная в ноябре 1945 г. из Польши (с. Старые Олешичи Любачувского района Жешувского воеводства) в УССР (хутор Хомы, Тернопольской области). Основным источником служат рукописные воспоминания одного из членов этой семьи — Степана Федоровича Лагно. В качестве дополнительных источников используются опубликованные архивные документы, а также устные интервью-воспоминания представителей младшего поколения (т.е. тех, кто родился уже после переселения из Польши): интервью с Дарьей Степановной Чупык (от 16.08.2018) и Романом Степановичем Лагно (от 05.10.2018) — дочерью и сыном С. Ф. Лагно соответственно. Беседы записывались на диктофон, затем выделялись ключевые слова и фиксировались интересные сюжеты. Вопросы анкеты в основном касались детских воспоминаний моих собеседников, сюжетов, связанных с родителями, бабушками и дедушками, а впоследствии уже задавались уточняющие вопросы²⁸. Привлечение устных интервью позволило уточнить определенные факты, которые упоминаются в письменном источнике, не упоминаются или же упоминаются только мимоходом.

Воспоминания С. Ф. Лагно («*Спогади молодих літ*») были написаны в 1980-е годы²⁹ на украинском языке³⁰. Рукопись состоит из двух небольших тетрадей. Воспоминания начинаются с того, что летом 1939 г. автор работал на Волыни у поляка-осадника³¹. После того как территория Западной Украины была занята Красной армией, он вернулся в родное село Порубы (Львовская обл. современной

²⁷ Выражение, которое использует М. Зовчак в статье, посвященной «неуловимости идентичности» поляков на Подолье: Zowczak 2003: 15.

²⁸ Методика проведения устных интервью взята у: Нитхаммер 2012.

²⁹ Дата окончания рукописи, которая указана на последней странице, — 8 февраля 1986 г.

³⁰ В тексте рукописи встречаются также и некоторые фразы, написанные по-польски, по-немецки и по-русски.

³¹ *Осадники* — участники польско-советской войны 1919–1920 гг., получившие землю за военные заслуги.

Украины), где помогал брату по хозяйству. В мае-июне 1941 г. работал в Любачувском районе «на укреплении западной границы»³² СССР. После нападения Германии на Советский Союз, в октябре 1941 г., он был вынужден выехать на принудительные работы в Австрию. В деревнях Хётцельсдорф и Даллайн работал на австрийских крестьян. С сентября 1944 по март 1945 г. он вместе с другими остарбайтерами из близлежащих деревень был отправлен рыть окопы на «венгерскую границу»³³. После окончания войны, в середине августа 1945 г., выехал в Польшу, а оттуда пешком пошел в свои родные места, ставшие с 16 августа 1945 г. территорией Советской Украины³⁴.

Степан Федорович Лагно родился в 1913 г. в селе Порубы, которое в межвоенный период было в составе Львовского воеводства II РП. Автор воспоминаний рано потерял родителей и с 14 лет вынужден был наниматься в сельскохозяйственные работники. В 1927 г. он окончил «на отлично» четырехклассную школу и мечтал продолжить учиться, в частности, в 1940 г. хотел поступить в педагогическое училище города Сокаль, однако в условиях военного времени это оказалось невозможным³⁵.

Степан Федорович всю жизнь тянулся к знаниям, очень любил читать, особенно его интересовала история Украины. В воспоминаниях он описал любопытный случай, как они с приятелем Семеном Качуряком заказывали в Вене книги. В 1942 г., будучи остарбайтерами в Австрии, они убедились в том, что за те деньги, которые им платили их хозяева, ничего невозможно купить из-за карточной системы (остарбайтерам карточки не выдавали). Тогда они решили потратить деньги на покупку книг. Семен и Степан написали в Украинское издательство письмо с просьбой прислать им сочинения Т. Шевченко, И. Франко, М. Коцюбинского, П. Мирного, С. Руданского, М. Старицкого, И. Котляревского³⁶. Через две недели из Вены пришел «целый

³² Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит I. Л. 6.

³³ Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 19 об.

³⁴ 16 августа 1945 г. СССР и Польская республика заключили договор о советско-польской государственной границе, которая хотя и по большей части соответствовала этническому принципу, однако к западу от нее оставались села и города с украинским населением, а к востоку — с польским.

³⁵ Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит I. Л. 5.

³⁶ Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 2.

рюкзак книжек», однако заказчики были разочарованы: из списка прислали только лишь «Энеиду» Котляревского, а остальные книги — по гигиене, семейной жизни, сельскому хозяйству.

Степану Федоровичу легко давались языки. Он написал, что очень хорошо говорил по-польски, по-немецки стал понимать и изъясняться достаточно быстро, с русским языком, судя по тексту воспоминаний, тоже проблем не возникало. В селе Хётцельсдорф и близлежащих селах были работники не только из Польши и Советской Украины, но также из Франции и Бельгии, с которыми он общался по-немецки. После окончания войны С. Ф. Лагно два месяца проработал переводчиком на железнодорожной станции Хётцельсдорф, где переводил для немцев приказы советского лейтенанта с русского на немецкий.

Безусловно, в 1980-е годы Степан Федорович переосмысливал прожитое с высоты опыта. После войны он жил в Советской Украине, культурная и историческая политика которой оказывали на него влияние (например, клишированные фразы: «панская Польша», «немцы вероломно напали на Советский Союз»³⁷). Автор симпатизировал некоторым социалистическим идеям, но при этом негативно относился к колхозам. Он был скептичен к служителям культа и сильно набожным людям, высмеивал ограниченность обывателей:

В Галичині сільський народ був неграмотний, затурканий дуже релігійний від малого до старого всі до церкви ходили. Ксьондзи говорили що Сталін є Індихрист, комуністів боялись гірше чорта³⁸ (здесь и далее орфография и пунктуация автора сохранены. — А.Л.).

Информационный потенциал воспоминаний С. Ф. Лагно достаточно велик, текст представляет несомненный интерес не только для историков, но и для этнологов, антропологов, филологов. Автор очень подробно описал повседневную жизнь австрийских крестьян, постоянно сопоставляя с тем, как это было принято у него дома. Например, он сравнивал сельскохозяйственные орудия: цеп у австрийского крестьянина был очень тяжелым, неудобным, молотьяба таким орудием неимоверно изматывала, в то время как украинский цеп — легкий,

³⁷ *Лагно С. Ф.* Спогади молодих літ. Зошит I. Л. 3, 7.

³⁸ «В Галиции сельский народ был неграмотный, забитый, очень религиозный, от мала до велика все в церковь ходили. Священники говорили, что Сталин — это Антихрист, коммунистов боялись больше черта» (*Лагно С. Ф.* Спогади молодих літ. Зошит I. Л. 7).

и им можно было работать гораздо быстрее³⁹. Ему запомнились привычки питания австрийских крестьян:

В Австріяків був звичай їсти по пять разів на добу по трошка. Зимою о семій годині рано, кава і маленькі дві кромки хліба посмаровані маргариною. Друге снідання о десятей годині, дві кромки хліба посмаровані мармоладою і дві склянки мосту, то є яблочне вино. В обід дванадцятій годині різні супи на перше, на друге книдель, сницель і картоплі. Підвечірок о третій годині дві кромки хліба з мармоладою і склянку вина, о шостій годині вечера, знову різного рода суп, і так майже цілий рік однаково, но в неділі і свята дещо смачнійше⁴⁰.

В воспоминаниях присутствует и очень трогательный романтический сюжет, поскольку именно находясь на работах в Австрии С. Ф. Лагно встретил свою будущую жену — Анелю Михайловну Мозиль. После окончания войны он провожал ее домой к родителям в село Старые Олешичи Любачувского повята Львовского воеводства⁴¹. Она родилась в смешанной семье: «Анелі мама була Полька»⁴², а отец — украинец. По установленной традиции Анеля Михайловна была, как и ее мать, крещена в католическую веру. Анеля Михайловна была самой младшей в семье (1915 г. р.), родители отдали ее в монастырь во Львове с тем, чтобы она посвятила свою жизнь Богу и тем самым, по их мнению, была бы свободна от тяжелой физической работы и семейных забот: «[З]а тим замужем щастья нема тільки незгода, клопіт, ціле життя тяжко працюєш і нічо не маєш»⁴³. Однако после того как Львов был занят Красной армией, монастырь разогнали и несостоявшаяся монахиня вернулась к родителям, а после нападения Германии на Советский Союз выехала на работы в Австрию.

³⁹ *Лагно С. Ф.* Спогади молодих літ. Зошит І. Л. 13–13 об.

⁴⁰ «У австрийцев было принято есть пять раз в день понемногу. Зимой в семь утра кофе и два маленьких кусочка хлеба, намазанных маргарином. Второй завтрак в десять часов, два маленьких кусочка хлеба, намазанных мармеладом и два стакана моста, это яблочное вино. В обед в двенадцать часов разные супы на первое, на второе кнедль, сницель и картофель. Полдник в три часа два кусочка хлеба с мармеладом и стакан вина, в шесть часов вечера опять разного рода суп, и так почти весь год одинаково, но по воскресеньям и праздником кое-что более вкусное» (*Лагно С. Ф.* Спогади молодих літ. Зошит І. Л. 13).

⁴¹ Согласно административному делению II РП до изменений, проведенных в период с 1944 по 1949 гг.

⁴² *Лагно С. Ф.* Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 31.

⁴³ «[В] замужестве счастья нет, лишь раздоры, хлопоты, всю жизнь тяжело работаешь и ничего не имеешь» (*Лагно С. Ф.* Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 31).

19 ноября 1945 г. А. М. Мозиль вместе со всей семьей была эвакуирована⁴⁴ в УССР на хутор Хомы⁴⁵. Село Старые Олешичи, где они проживали до переселения, находилось в 5 км от административного центра повята — города Любачува, а ближайшая железнодорожная станция (Олешичи) — приблизительно на расстоянии 3 км. До войны в этом селе проживали почти 3 тыс. жителей, из которых более половины составляли греко-католики, то есть украинцы⁴⁶. Их переселение из Любачувского повята завершилось 25 ноября 1945 г., а в ночь с 4 на 5 марта 1946 г. все дома, оставленные украинцами в Старых Олешичах, были сожжены «украинскими бандами»⁴⁷. На Хомах⁴⁸, куда переселили семью Мозиль, в межвоенный период скупали земли богатые поляки из соседних сел Малашевцы и Обарынцы. После 17 сентября 1939 г. они, как кулаки, были депортированы в Сибирь. Хомы находились в 20 км от г. Тернополя, ближайшая железнодорожная станция (Великий Глубичек) тоже находилась приблизительно в 20 км.

Кому, почему и как приходилось притворяться: значимые «другие»

В воспоминаниях С. Ф. Лагно оценивал людей не через призму этнической принадлежности, а в первую очередь по их моральным качествам, например: «хоч німка але була добра людина»⁴⁹. Австрийцы в целом — это «работающие люди», «порядочные», есть скуные,

⁴⁴ Обмен населением между Польшей и Украиной начался еще до завершения войны и до заключения договора о советско-польской границе. 9 сентября 1944 г. Н. С. Хрущев как председатель СНК УССР подписал в Люблине с председателем ПКНО Э. Осубкой-Моравским соответствующее соглашение. См.: Угода між Урядом Української Радянської Соціалістичної Республіки і Польським Комітетом Національного визволення про евакуацію українського населення з території Польщі і польських громадян з території УРСР // База даних «Законодавство України». URL: https://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/616_065 (дата обращения: 15.06.2019). В общей сложности с 1944 г. по 1946 г. территорию УССР покинули свыше 780 тыс. поляков, а территорию Польши — более 480 тыс. украинцев (Мисило 1997: 18).

⁴⁵ Ныне это село Хомивка Зборовского района Тернопольской области.

⁴⁶ Кубійович 1983: 46.

⁴⁷ 5 марта 1946 г. Любачув. Донесение А. Беднажа (староста)... // *Przesiedlenia Polaków i Ukraińców 1944–1946*. Т. 2. Warszawa; Kijów: s. t., 2000. S. 731.

⁴⁸ С 1960 г. это село называется Хомивка.

⁴⁹ «Хоть и немка, но была хорошим человеком» (Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 14).

есть щедрые, с ними можно договориться. Однозначно опасными, негативными «другими» для автора были гестаповцы — суровые, жестокие, грозящие за любую провинность отправить в концлагерь. Автор описал только два сюжета встречи именно с гестаповцами: показательная карательная операция в 1942 г. и работы на «венгерской границе» осенью 1944 — весной 1945 г.⁵⁰

Поляки выведены в воспоминаниях в разных ипостасях. Например, к поляку-осаднику, на которого четыре месяца работал С. Ф. Лагно, негативного отношения нет, даже невзирая на то, что тот очень долго не мог заплатить за работу, пришлось даже вести судебную тяжбу, но в конце концов проблема была решена любовно. Не связаны никакие негативные коннотации и с поляками, которые были в Австрии остарбайтерами. Опасными «другими» поляки стали после возвращения автора из Австрии в Польшу. «Польские полицаи» постоянно останавливали С. Ф. Лагно и А. М. Мозиль, грозились забрать их в тюрьму или просто ограбить. Автор воспоминаний вскоре разработал собственный способ взаимодействия с поляками: идти смело, не оглядываясь, говорить по-польски громко, вести себя независимо, а главное, не иметь с собой вещей («и руки не болят, и проблем нет»⁵¹). Если же их все-таки останавливали «польские полицаи», то А. М. Мозиль показывала свою выписку из метрической книги, которая свидетельствовала, что она католичка и соответственно полька, а документы С. Ф. Лагно прятали, утверждая, что их украли. Однако иногда этого было недостаточно, описан один случай, когда поляки потребовали у него произнести молитву на польском языке:

Оден поліціант каже як пан поляк, то нех сем пан по Польско помуд-
лі як matka учила, я полмовивсь бо я умів він каже пшепрашам, так
пан ест Поляк но порадая Ukrajіńcy му jich zabieramy⁵².

Данный пример подтверждает уже не раз звучавший тезис, что одним из источников польской идентификации была в первую

⁵⁰ Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 2об–3; 20–23 об.

⁵¹ Там же. Л. 36.

⁵² «Один полицейский говорит: “Если вы поляк, тогда помолитесь по-польски как мать учила”. Я помолился, потому что я умел. Он говорит: “Прошу прощения, так вы поляк, но попадаются украинцы, мы их забираем”» (Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 28об).

очередь религиозная традиция, а ее сущностью был язык молитвы⁵³. С. Ф. Лагно описал и другие своего рода уловки, которые помогли ему на территории Польши. Например, на одной из железнодорожных станций, когда к нему и А. М. Мозиль побежали польские полицейские с явно недобрыми намерениями, они стали громко ругаться между собой по-польски: «Полїцаї почули що ми так гарно по Польско сваримось тай вернулись, а то булюб нас зрабували»⁵⁴.

Из воспоминаний складывается впечатление, что С. Ф. Лагно идентифицировал себя как украинец, а А. М. Мозиль — как поляка.

З Анелею познайомивсь Чех дав Анелї яблук, питався висте Полька чи Українка, Анеля каже Полька. На полі пасся кінь Чех питає що то сем пасе, Анеля каже кінь, Чех каже висте Українка, по Польску конь⁵⁵.

Благодаря привлечению устных интервью-воспоминаний этот вопрос стало возможно уточнить:

— Ваша мама была католичкой?

— Да, в паспорте было написано, что поляка <...>, и как делали маме паспорт в 1970-х гг. тоже написали, что поляка.

— Она сама себя считала полькой или украинкой?

— Считала себя украинкой. Никогда не говорила, что поляка⁵⁶.

Еще один важный маркер границ идентичности — территория, как утраченная («своя?»), так и приобретенная («чужая?»): «пространство — значимый фактор, в немалой степени определяющий идентичность отдельного человека и социума в целом»⁵⁷. И. Е. Адельгейм в книге, посвященной польской прозе 1990–2010-х годов, в первой главе проанализировала травматические воспоминания детей польских переселенцев, послевоенное детство которых «разыгрывается в сдвинутом с места пространстве»⁵⁸. Дети вслед за родителями

⁵³ См., напр.: Zowczak 2003: 15.

⁵⁴ «Полицейские услышали, что мы так хорошо по-польски ругаемся и вернулись, иначе бы нас ограбили» (*Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 30*).

⁵⁵ «С Анелей познакомился чех, дал Анеле яблук, спрашивал: “Вы украинка или поляка?” Анеля говорит: “Полька”. На поле пасся конь, чех спрашивает: “А что там пасется?” Анеля говорит: “Кінь”. Чех говорит: “Вы украинка, по-польски конь”» (*Лагно С. Ф. Спогади молодих літ. Зошит II. Л. 27 об.*).

⁵⁶ Интервью с Д. С. Чупык 1952 г.р., г. Тернополь, Украина. Зап. 16.08.2018.

⁵⁷ Адельгейм 2018: 29.

⁵⁸ Адельгейм 2018: 14.

испытывали «двойную трагедию изгнания и искоренения»⁵⁹, равно как и ностальгию отцов и матерей после утраты родины. Она пишет, что сознание этих детей поражали доставшиеся чужие дома, в которых они теперь жили, вещи, которыми они пользовались. Все это располагало их к рефлексии над судьбами бывших жителей этих территорий и над судьбами предков, оставшихся по ту сторону границы. Адельгейм пришла к выводу, что идентичность репатрированного общества размыта. Однако фиксация своих переживаний и переживаний своих родителей на бумаге, художественное их осмысление очень сильно влияет на формирование идентичности репатрированного польского населения⁶⁰.

Конечно, нельзя сравнивать художественный текст и мемуары, особенно интервью-воспоминания. Тем не менее на основании тех источников, которые используются в статье, можно отметить, что дети украинских репатриантов скорее жили будущим, нежели прошлым, их детство не было подчинено родительским воспоминаниям. Безусловно, для украинских репатриантов переселение тоже было травмой, их дети вспоминали, что у родителей присутствовала обида на Польшу за переселения, за то, что она выгнала их с родных земель⁶¹. Однако для детей эта частная родина отцов и матерей, могилы предков, села и дома по ту сторону границы, навсегда остались в прошлом. В то время как для поляков Восточные Кресы превратились в ностальгический, идеализированный миф, «утраченную Аркадию»⁶². Объяснение причин таких отличий — это отдельная и очень интересная тема, которая требует привлечения более широкого круга источников и написания отдельной работы.

* * *

Пожалуй, уже невозможно точно воссоздать процесс динамики идентичности и тех факторов, которые оказали наибольшее влияние на ее изменение. На примере мемуаров С. Ф. Лагно «*Спогади молодих літ*» и интервью-воспоминаний его детей можно проследить

⁵⁹ Адельгейм проиллюстрировала это тягостное чувство строкой немецкого поэта Хорста Бинека (1930–1990), который родился в Силезии: «[А] потом пришли нас выгонять те, кого тоже выгнали, из Львова» (Адельгейм 2018: 32).

⁶⁰ Адельгейм 2018: 88.

⁶¹ Интервью с Р. С. Лагно 1951 г. р., г. Москва, Россия. Зап. 05.10.2018.

⁶² Zowczak 2003: 9.

взаимосвязь использования языка и конфессиональной принадлежности. Исследователи отмечают, что идентичность плохо поддается исследованию, и на примере источников, использованных в статье, можно увидеть ее двойственность, «размытость», ситуативность. Безусловно, чтобы сделать выводы относительно динамики идентичности жителей польско-украинского пограничья в середине 1940-х годов, необходимо привлечь и другие воспоминания репатриантов и остарбайтеров. Вместе с тем предложенная модель исследования помогает собрать, обобщить, классифицировать и проанализировать подобные письменные и устные исторические источники.

Список сокращений

- II RP – Вторая Речь Посполитая (официальное название польского государства, которое существовало в период между двумя мировыми войнами)
ПКНО – Польский комитет национального освобождения
ПНР – Польская Народная Республика
СНК – Совет Народных Комиссаров
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

Литература

- Адельгейм 2018 – *Адельгейм И.Е.* Психология поэтики: аутопсихотерапевтические функции художественного текста (на материале польской прозы 1990–2010-х гг.) / отв. ред. Н. Н. Старикова. М.: Индрик, 2018. 646 с.
- Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. 288 с.
- Барт (ред.) 2006 – Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
- Бромлей 1981 – *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 390 с.
- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Елаева 2000 – *Елаева И.Э.* Теоретические подходы к изучению этнической идентичности в отечественной науке // Этнологические исследования. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Вып. 1. С. 28–66.
- Ильюшин 2012 – *Ильюшин И.* Переселенческо-депортационные акции 1944–1947 гг. на украинско-польском пограничье: дискуссионные вопросы в новейшей украинской историографии // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 4 (1). С. 83–91.

- Кубійович 1983 — *Кубійович В.* Етнічні групи південнозахідної України (Галичини) на 1.1.1939. Вісбаден: Harrassowitz, 1983. 175 с.
- Лукашова (ред.) 2011 — Этнокультурная идентичность народов Украины, Белоруссии и Польши: Механизмы формирования и способы проявления / под ред. С. С. Лукашовой. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. 428 с.
- Малинова 2009 — *Малинова О. Ю.* Россия и «Запад» в XX веке: трансформация дискурса о коллективной идентичности. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 189 с.
- Місило 1997 — *Місило Є.* Передмова // Акція «Вісла». Документи / Впор. і ред. Є. Місила. Львів; Нью-Йорк: Наукове товариство ім. Шевченка у Львові, 1997. С. 7–36.
- Мотыка 2014 — *Мотыка Г.* От волынской резни до операции «Висла». Польско-украинский конфликт: 1943–1947. М.: РОССПЭН, 2014. 336 с.
- Нитхаммер 2012 — *Нитхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории. М.: Новое издательство, 2012. 536 с.
- Нойманн 2004 — *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Носкова 2012 — *Носкова А. Ф.* К истории репатриации из СССР граждан II Республики (1945–1946 гг.) // Миграционные последствия Второй Мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск: Наука, 2012. Вып. 1. С. 73–85.
- Орлова 2010 — *Орлова Э. А.* Концепции идентичности / идентификации в социально-научном знании // Вопросы социальной теории. 2010. № 1 (4). С. 87–111.
- Петровская, Борисенко (ред.) 2011 — Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы / под ред. О. В. Петровской, Е. Ю. Борисенко. СПб.: Алетейя, 2011. 424 с.
- Поршнев 1979 — *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд. доп. и исп. М.: Наука, 1979. 232 с.
- Сергійчук 1997 — *Сергійчук В.* Трагедія українців Польщі. Тернопіль: Книжково-журнальне видавництво «Тернопіль», 1997. 440 с.
- Тишков 2016 — *Тишков В. А.* От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
- Федевич 2005 — *Федевич К. К.* Интеграция галицийских украинцев в польское государство в 1920–1930-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 190 с. (рукопись).
- Хлебовчик 1981 — *Хлебовчик Ю.* Роль и функции двуязычия в процессе образования наций // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты / под ред. И. С. Миллера, В. И. Фрейдзона. М.: Наука, 1981. С. 102–121.

- Цепенда 2002 — *Цепенда І.Е.* Операція «Вісла» в польській історіографії // Український історичний журнал. 2002. №3. С. 84–93.
- Boeckh 2007 — *Boeckh K.* Stalinismus in der Ukraine: die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg. Wiesbaden: Harrassowitz, 2007. 605 s.
- Chlebowczyk 1968 — *Chlebowczyk J.* Kształtowanie się świadomości społecznej i narodowej na pograniczu językowym (w warunkach środkowoeuropejskich) // Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968. T. IV. S. 5–42.
- Chlebowczyk 1976 — *Chlebowczyk J.* Splot więzi wyznaniowej i narodowej w procesach narodotwórczych we wschodniej Europie Środkowej // Między feudalizmem a kapitalizmem. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976. S. 181–193.
- Drozd, Hałagida 1999 — *Drozd R., Hałagida I.* Ukraińcy w Polsce 1944–1989 Walka o tożsamość (Dokumenty i materiały). Warszawa: Burchard Edition, 1999. 303 s.
- Dzięgiel 2003 — *Dzięgiel E.* Polszczyzna na Ukrainie. Sytuacja językowa w wybranych wsiach chłopskich i szlacheckich. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2003. 187 s.
- Hałagida 2003 — *Hałagida I.* Ukraińcy na zachodnich i północnych ziemiach Polski, 1947–1957. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2003. 259 s.
- Hibel 2014 — *Hibel K.* «Wojna na mapy», «wojna na słowa». Onomastyczne i międzykulturowe aspekty polityki językowej II Rzeczypospolitej w stosunku do mniejszości ukraińskiej w Galicji Wschodniej w okresie międzywojennym. Wien; Berlin: LIT Verlag, 2014. 325 s.
- Himka 2006 — *Himka J.-P.* The basic historical identity formations in Ukraine: a typology // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 28. № 1–4. P. 483–500.
- Hrytsak 2005 — *Hrytsak Y.* Historical memory and regional identity among Galicia's Ukrainians // Galicia. A multicultural land / eds. C. Hann, P.R. Magocsi. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2005. P. 185–209.
- Hryciuk 1995 — *Hryciuk G.* Polacy na Ukrainie // Wrocławskie studia z historii najnowszej / pod red. W. Wrzesińskiego. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. S. 407–429.
- Hryciuk 2003 — *Hryciuk G.* Struktura narodowa Galicji Wschodniej (Wschodniej części Woj. Lwowskiego, Woj. Stanisławowskiego i Tarnopolskiego) w 1931 r. // Беларуска-польскія архіваліі: стан і перспектывы: (Матэрыялы Другой беларуска-польскай канферэнцыі архівістаў, 10–11 кастрычніка 2001 года). Мінск: НА РБ, 2003. S. 115–135.
- Hryciuk 2005 — *Hryciuk G.* Przemiany narodowościowe i ludnościowe w Galicji Wschodniej i na Wołyniu w latach 1931–1948. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2005. 424 s.

- Kusy 2003 — *Kusy J.* «Toje swiatkuje, toje kopaje...» Katolicy i prawosławni w kontaktach sąsiedzkich i rodzinnych // Podole i Wolyn: Szkice etnograficzne / pod red. L. Smyrskiego, M. Zowczak. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. S. 76–92.
- Magocsi 2002 — *Magocsi P.R.* The roots of Ukrainian nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont. Toronto: University of Toronto Press, 2002. 214 p.
- Misilo 2001 — *Misilo E.* Kwestia ukraińska w polityce państwa polskiego w latach 1944–1947. Akcja «Wisła» na drodze Polski i Ukrainy ku porozumieniu // Україна і Польща — стратегічне партнерство на зламі тисячоліть: Історія. Сьогодення. Майбутня перспектива. Київ: Твім інтер, 2001. Ч. 1: Шлях України та Польщі до порозуміння. С. 334–346.
- Rieger 1996 — *Rieger J.* Identyfikacja narodowa i religijna Polaków na Ukrainie / red. J. Lewandowski. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1996. S. 110–130.
- Torzecki 1972 — *Torzecki R.* Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy (1933–1945). Warszawa: Książka i wiedza, 1972. 378 s.
- Torzecki 1981 — *Torzecki R.* Kontakty polsko-ukraińskie na tle problemu ukraińskiego w polityce polskiego rządu emigracyjnego i podziemia (1939–1944) // Dzieje najnowsze. 1981. № 1–2. S. 324–327.
- Zowczak 2003 — *Zowczak M.* O długim trwaniu Polaków na Podolu. Imponderabilia tożsamości // Podole i Wolyn: Szkice etnograficzne / pod red. L. Smyrskiego, M. Zowczak. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2003. S. 9–76.

References

- Adelgeim, I.E., 2018. *Psikhologiiia poetiki: autopsikhoterapevticheskie funktsii khudozhestvennogo teksta (na materiale pol'skoi prozy 1990–2010-kh gg.)* [The psychology of poetics: autopsychotherapeutic functions of a literary text (based on Polish prose from the 1990s–2010s)]. Starikova, N.N., ed. Moscow: Indrik, 646 p.
- Anderson, B., 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniі natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism]. Moscow: “KANON-press-C”; “Kuchkovo pole”, 288 p.
- Barth, F., ed., 2006. *Etnicheskie grupy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naia organizatsiia kul'turnykh razlichii* [Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 200 p.
- Boeckh, K., 2007. *Stalinismus in der Ukraine: die Rekonstruktion des sowjetischen Systems nach dem Zweiten Weltkrieg*. Wiesbaden: Harrassowitz, 605 p.
- Bromlej, Ju. V., 1981. *Sovremennye problemy etnografii* [Modern problems of ethnography]. Moscow: Nauka, 390 p.
- Bromlej, Ju. V., 1983. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Nauka, 412 p.

- Cependa, I. E., 2002. Operacija "Visla" v pol's'kij istoriografii [Operation «Vistula» in Polish historiography]. *Ukrains'kij istoričnij žurnal* [Ukrainian Historical Journal], 3, pp. 84–93.
- Chlebowczyk, J., 1968. Kształtowanie się świadomości społecznej i narodowej na pograniczu językowym (w warunkach środkowoeuropejskich). In: *Studia z dziejów ZSRR i Europy Środkowej*, IV. Wrocław; Warszawa; Kraków, pp. 5–42.
- Chlebowczyk, J., 1976. Splot więzi wyznaniowej i narodowej w procesach narodotwórczych we wschodniej Europie Środkowej. In: *Między feudalizmem a kapitalizmem*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, pp. 181–193.
- Chlebowczyk, J., 1981. Rol' i funktsii dvuiazyčhii v protsesse obrazovanii natsii [The role and functions of bilingualism in the process of nation-formation]. In: Miller, I. S., Frejdzon, V. I., eds. *Formirovanie natsii v Tsentral'noi i Iugo-Vostočnoj Evrope. Istoricheskie i istoriko-kul'turnyi aspekty* [Nation-formation in Central and South-Eastern Europe. Historical and historical-cultural aspects]. Moscow: Nauka, pp. 102–121.
- Drozd, R., Hałagida, I., 1999. *Ukraińcy w Polsce 1944–1989 Walka o tożsamość (Dokumenty i materiały)*. Warszawa: Burchard Edition, 303 p.
- Dzięgiel, E., 2003. *Polszczyzna na Ukrainie. Sytuacja językowa w wybranych wsiach chłopskich i szlacheckich*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 187 p.
- Elaeva, I. Je., 2000. Teoretyckieskie podkhody k izucheniiu etnicheskoj identičnosti v otečestvennoji nauke [Theoretical approaches to studying ethnic identity in domestic science]. In: *Etnologičeskie issledovaniia*, 1. Ulan-Udje: Izd-vo BNC SO RAN, pp. 28–66.
- Fedeviceh, K. K., 2005. *Integraciia galitsiiskikh ukraincev v pol'skoe gosudarstvo v 1920–1930-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Integration of Galician Ukrainians into the Polish state in the 1920s and 1930s. PhD thesis]. Moscow, 190 p. (manuscript).
- Hałagida, I., 2003. *Ukraińcy na zachodnich i północnych ziemiach Polski, 1947–1957*. Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 259 p.
- Hibel, K., 2014. "Wojna na mapy", "wojna na słowa". *Onomastyczne i międzykulturowe aspekty polityki językowej II Rzeczypospolitej w stosunku do mniejszości ukraińskiej w Galicji Wschodniej w okresie międzywojennym*. Wien; Berlin: LIT Verlag, 325 p.
- Himka, J.-P., 2006. The basic historical identity formations in Ukraine: a typology. *Harvard Ukrainian Studies*, 28, pp. 483–500.
- Hryciuk, G., 1995. Polacy na Ukrainie. In: Wrzesiński, W., ed. *Wrocławskie studia z historii najnowszej*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, pp. 407–429.
- Hryciuk, G., 2003. Struktura narodowa Galicji Wschodniej (Wschodniej części Woj. Lwowskiego, Woj. Stanisławowskiego i Tarnopolskiego) w 1931 r. In: *Belaruskaja-pol'skaja arhivalii: stan i perspektyvy: (Matjeryjaly Drugoj belaruskaja-pol'skaj kanferencyi arhivistau, 10–11 kastychnika 2001 goda)*. Minsk: NA RB, pp. 115–135.

- Hryciuk, G., 2005. *Przemiany narodowościowe i ludnościowe w Galicji Wschodniej i na Wołyniu w latach 1931–1948*. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 424 p.
- Hrytsak, Y., 2005. Historical memory and regional identity among Galicia's Ukrainians. In: Hann, C., Magosci, P. R., eds. *Galicia. A Multicultural Land*. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, pp. 185–209.
- Iljushin, I., 2012. Pereselenchesko-deportatsionnye aktsii 1944–1947 gg. na ukraïnsko-pol'skom pogranich'e: diskussionnye voprosy v noveishei ukraïnskoi istoriografii [Movement and deportation actions 1944–1947 at Ukrainian-Polish borderland: discussion issues in the contemporary ukrainian historiography]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovanii* [Journal of the Russian and East European historical studies], 4 (1), pp. 83–91.
- Kubijovich, V., 1983. *Etnichni hrupy pivdennozakhidnoi Ukraïny (Halychyny) na 1.1.1939* [Ethnic groups of Southwestern Ukraine on 1 January 1939]. Visbaden: Harrassowitz, 175 p.
- Kusy, J., 2003. “Toje swiatkuje, toje kopaje...” Katolicy i prawoslawni w kontaktach sąsiedzkich i rodzinnych. In: Smyrski, L., Zowczak, M., eds. *Podole i Wołyn: Szkice etnograficzne*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, pp. 76–92.
- Lukashova, S. S., ed., 2011. *Etnokul'turnaia identichnost' narodov Ukraïny, Belorusii i Pol'shi: Mekhanizmy formirovaniia i sposoby proiavlenniia* [Ethno-cultural identity of the peoples of Ukraine, Belorussia and Poland. Formation mechanisms and manifestations]. Moscow: Institut slavjanovedeniia RAN, 428 p.
- Magosci, P. R., 2002. *The roots of Ukrainian nationalism: Galicia as Ukraine's Piedmont*. Toronto: University of Toronto Press, 214 p.
- Malinova, O. Ju., 2009. *Rossiia i “Zapad” v 20 veke: transformatsiia diskursa o kolektivnoi identichnosti*. [Russia and “the West” in the twentieth century: transformation of the collective identity discourse]. Moscow: ROSSPEN, 189 p.
- Misilo, E., 1997. Peredmovia [Introduction]. In: Misilo, E., ed. *Akcija “Wisla”. Dokumenty* [1997. Operation “Vistula”. Documents]. L'viv, N'ju-Jork: Naukove tovaristvo im. Shevchenka u L'vovi, pp. 7–36.
- Misilo, E., 2001. Kwestia ukraïnska w polityce państwa polskiego w latach 1944–1947. Akcja “Wisla” na drodze Polski i Ukraïny ku porozumieniu. In: *Ukraïna i Pol'shha — strategichne partnerstvo na zlami tisjacholit': Istorija. S'ogodennja. Majbutnja perspektiva* [Ukraine and Poland — millennium strategical partnership: History. Nowadays. Future perspective], 1: Shljah Ukraïni ta Pol'shi do porozuminnja. Kiïv: Tvim inter, pp. 334–346.
- Motyka, G., 2014. *Ot volynskoi rezni do operatsii “Wisla”. Pol'sko-ukraïnskii konflikt: 1943–1947*. [From Volhynian slaughter to the “Vistula” Operation. Polish-Ukrainian conflict: 1943–1947]. Moscow: ROSSPEN, 336 p.
- Niethammer, L., 2012. *Voprosy k nemetskoï pamiaty: Stat'i po ustnoi istorii* [Questions to German memory: Oral history articles]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 536 p.

- Neumann, I., 2004. *Ispol'zovanie "Drugogo": Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostei* [Uses of the Other. «The East» in the European identity formation]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 336 p.
- Noskova, A. F., 2012. K istorii repatriatsii iz SSSR grazhdan II Respubliki (1945–1946 gg.) [To the history of repatriation of citizens of the Polish Republic II from USSR (1945–1946)]. In: Ablazhej, N. N., Bljum, A., eds. *Migratsionnye posledstviia Vtoroj Mirovoj voiny: etnicheskie deportatsii v SSSR i stranakh Vostochnoi Evropy* [Migratory consequences of the Second World War: ethnical deportations in the USSR and countries of Eastern Europe], 1. Novosibirsk: Nauka, pp. 73–85.
- Orlova, Je.A., 2010. Kontseptsii identichnosti / identifikatsii v social'no-nauchnom znanii [Identity / identification concepts in social-science knowledge]. *Voprosy social'noj teorii* [Journal of Social Theory], 1 (4), pp. 87–111.
- Petrovskaja, O. V., Borisenok, E. Ju., eds., 2011. Zapadnaia Belorussiia i Zapadnaia Ukraina v 1939–1941 gg.: liudi, sobytia, dokumenty [Western Belorussia and Western Ukraine in 1939–1941: people, events, documents]. Saint Petersburg: Aleteiia, 424 p.
- Porshnev, B. F., 1979. *Social'naia psikhologiia i istoriia* [Social psychology and history]. Second edition. Moscow: Nauka, 232 p.
- Rieger, J., 1996. Identyfikacja narodowa i religijna Polaków na Ukrainie. In: Lewandowski, J., ed. *Trudna tożsamość. Problemy narodowościowe i religijne w Europie Środkowo-Wschodniej w XIX i XX wieku. Materiały z międzynarodowej konferencji Samoidentyfikacja narodowa i religijna a sprawa mniejszości narodowych i religijnych w Europie Środkowo-Wschodniej. Lublin 19–21 października 1993*. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 1996. S. 110–130.
- Sergijchuk, V., 1997. *Tragedija ukraïnciv Pol'shhi* [Tragedy of Polish Ukrainians]. Ternopil': Knizhkovozhurnal'ne vidavnytvo «Ternopil'», 440 p.
- Tishkov, V. A., 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 5, pp. 5–22.
- Torzecki, R., 1972. *Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy (1933–1945)*. Warszawa: Książka i wiedza, 378 p.
- Torzecki, R., 1981. Kontakty polsko-ukraińskie na tle problemu ukraińskiego w polityce polskiego rządu emigracyjnego i podziemia (1939–1944). *Dzieje najnowsze*, 1–2, pp. 324–327.
- Zowczak, M., 2003. O długim trwaniu Polaków na Podolu. Imponderabilia tożsamości. In: Smyrski L., Zowczak M., eds. *Podole i Wolyn: Szkice etnograficzne*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, pp. 9–76.

Anna R. Lagno

PhD, Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A; Senior Lecturer, Department of International Organizations and Global Governance, Faculty of Public Administration, Moscow Lomonosov State University, Moscow, Russia. 119991, Lomonosovsky Prospekt, 27/4. E-mail: Lagno@spa.msu.ru

Who, what, to whom and on what language speaks? Polish-Ukrainian borderland in the 1940s: from the history of a family

Polish-Ukrainian borderland is commonly associated with Austrian Eastern Galicia. The river San marked the western border, and the river Zbruch marked the eastern one. It was multiethnic and multicultural land. At the beginning of the twentieth century Eastern Galicia acquired an exceptional symbolic meaning, becoming the place of collision of two state projects – Polish and Ukrainian. The complex relationship between Ukrainians and Poles was escalated by the Second World War. The problem of national minorities was to be solved by resettlement, that took place from 1944 to 1946. So during and after World War II, this region lost their traditional multiethnic character. Poles, Jews, and smaller numbers of Germans were replaced by Ukrainians from those territories that became part of the new Polish state. From this period Eastern Galicia became the part of the Ukrainian Soviet Republic. This article centers on the question of what were the essential features that delimit the identity of Poles and Ukrainians in the mid-1940s? For answering on this question, I have chosen unpublished memoirs of a man who was born in 1913 in Austrian Galicia, lived in Lviv voivodeship of the Second Polish Republic and died in Soviet Ukraine; I also use oral conversations with his children. Methodologically this paper is based on the work of Frederick Barth and Iver Neumann, who concluded that the most effective way of studying identity is to investigate the significant markers of identity that delimit the culture of this group from the culture of the «Other». Thus, it has been noted by many authors, identity is a very complex subject, that is difficult to study. The historical sources used in this article, shows that identity of the Polish-Ukrainian borderland population is ambivalent, blurred. The most significant marker of ethnic identity – language – does not «work» for the population of the Polish-Ukrainian borderland due to the widespread bilingualism. Difficulties arise with another markers – differences in denomination affiliation and the territory.

Keywords: identity, Polish-Ukrainian borderland, Galicia, Ukrainian language, Polish language, *Ostarbeiters*, World War Two